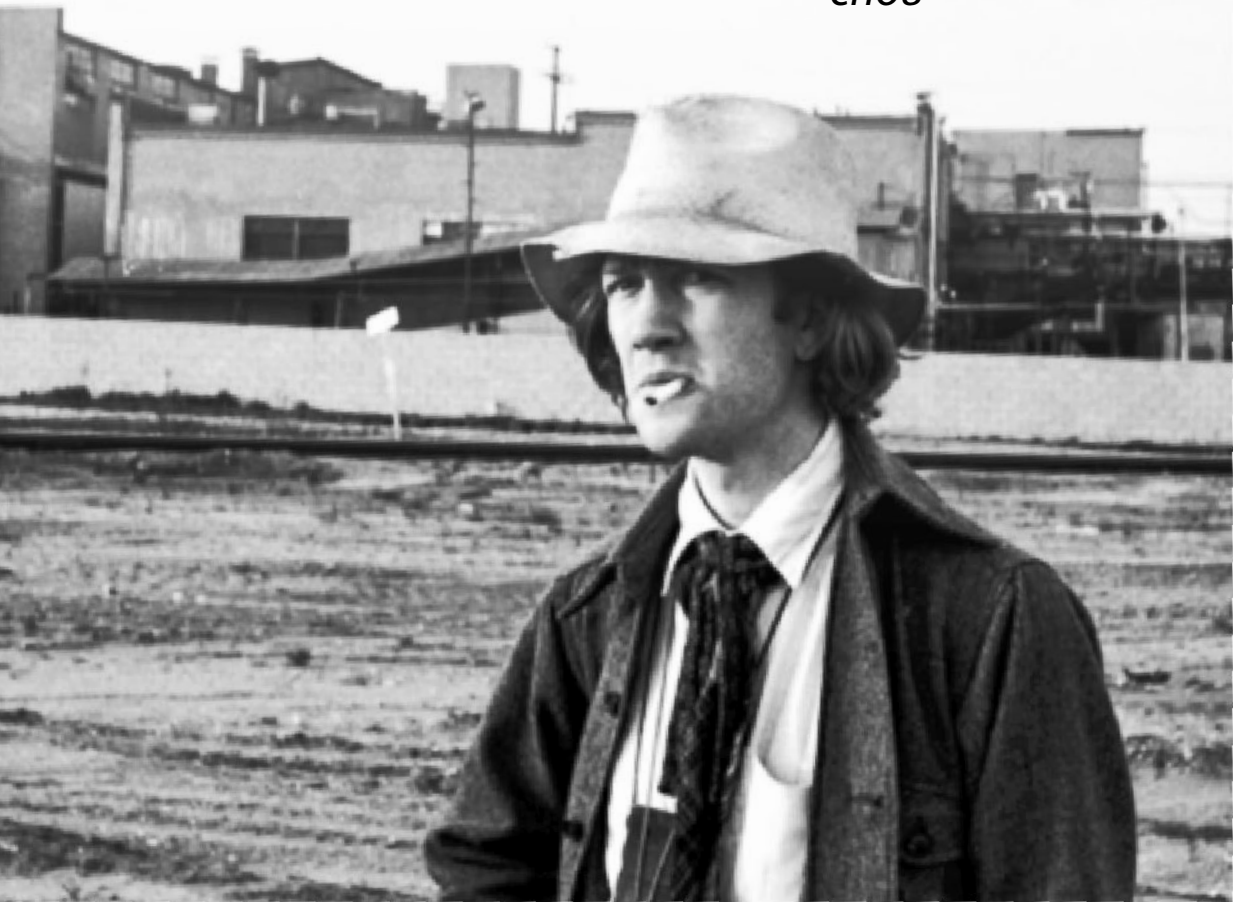

ROOM
to
DREAM

Комната
СНОВ

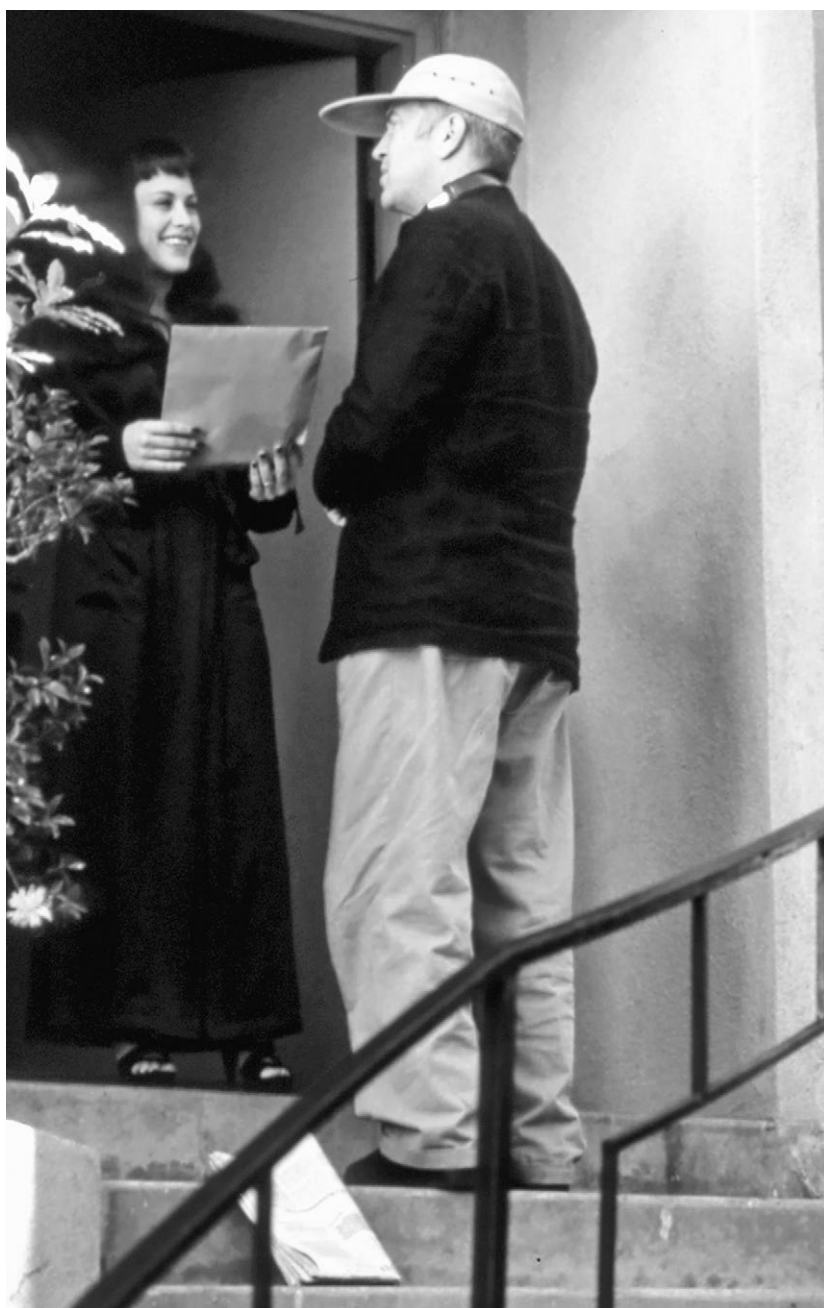

Дэвид Линч и Кристин Маккенна

ROOM
to
DREAM

*Комната
СНОВ*

Посвящается Его Святейшеству Махариши Махеш Йоги
и мировой семье

СОДЕРЖАНИЕ

- 11 *Предисловие*
- 15 *American PASTORAL* [Американская пастораль]
- 45 *The ART Life* [Жизнь художника]
- 73 *Smiling BAGS of DEATH*
[Улыбающиеся мешки смерти]
- 103 *Spike* [Спайк]
- 151 *The Young AMERICAN* [Молодой американец]
- 185 *Mesmerized* [Зачарованный]
- 215 *A suburban romance, only different*
[Романтика окраин, только по-другому]
- 255 *Wrapped in PLastic* [Завернуто в пластик]
- 296 *Finding Love in HELL* [Найти любовь в аду]
- 315 *People Go Up and Then They Go Down*
[Люди взлетают и падают]

- 341 *Next Door To Dark* [По соседству с тьмой]
- 369 *A Shot of White Lightning and A Chick*
[Разряд белой молнии и цыпочка]
- 397 *A SLice of Something*
[Кусочек чего-то]
- 411 *The Happiest of Happy Endings*
[Чудеснейший хэппи-энд]
- 444 *In the Studio* [На студии]
- 479 *My LOG is turning Gold*
[Мое полено превращается в золото]
- 515 *Благодарности*
- 517 *Фильмография*
- 533 *Хронология выставок*
- 539 *Источники*
- 541 *Примечания*
- 549 *Примечания к фотографиям*

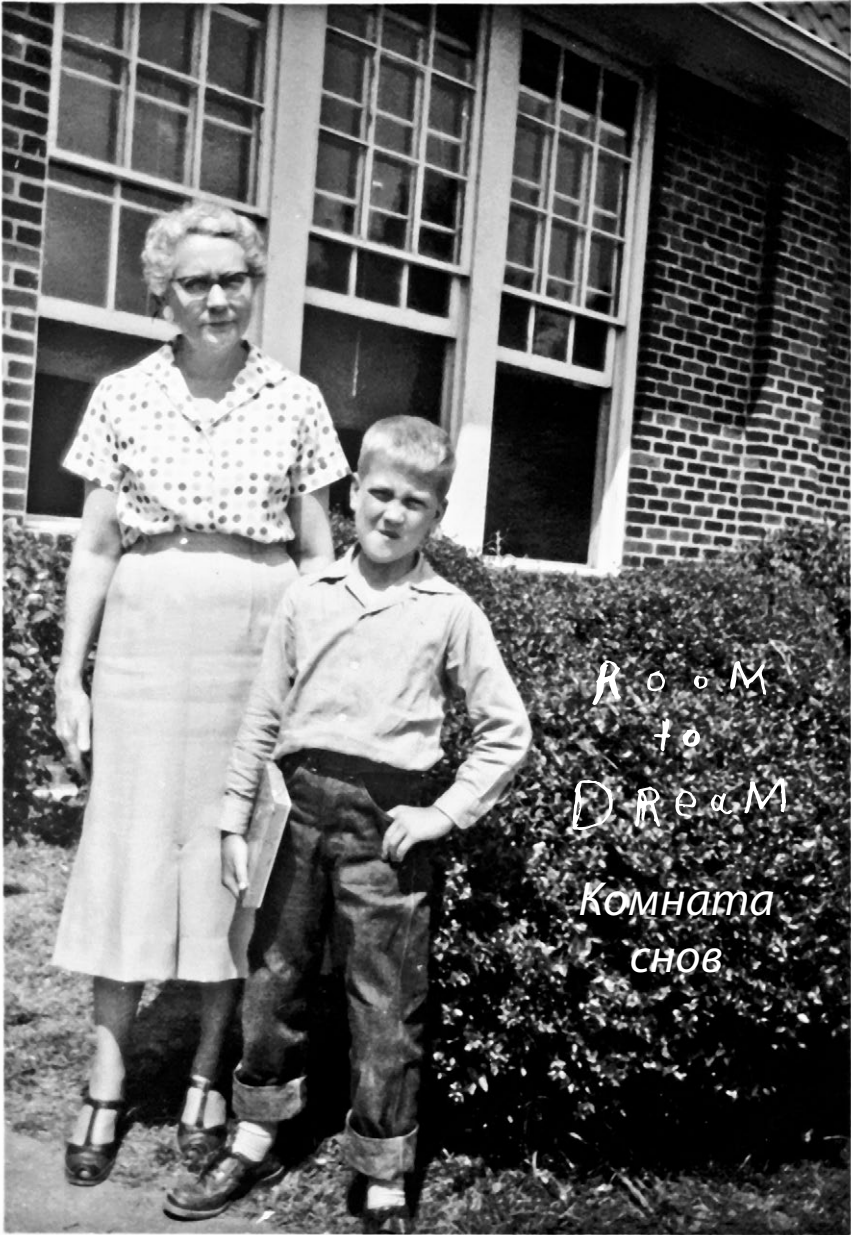
ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда мы решили написать книгу «Комната снов» несколько лет тому назад, мы преследовали две цели. Первая: подойти как можно ближе к созданию описательной биографии, что означает точную достоверность всех фактов, лиц и дат и что все участники событий реальны и учтены. Вторая: мы хотели, чтобы голос субъекта играл ведущую роль во всем повествовании.

С этой целью мы разработали такой стиль работы, который многим может показаться странным, однако мы надеемся, что читатель уловит его ритм. Для начала один из нас (Кристин) писал главу, используя стандартный набор инструментов для биографии: исследования и интервью с членами семьи, друзьями, бывшими женами, коллегами по творчеству, актерами и продюсерами. Затем другой (Дэвид) просматривал написанное, исправлял ошибки и неточности и писал собственную главу в ответ, используя воспоминания других и раскапывая свои собственные. Книга, которую вы держите в руках — это в основном диалог героя с собственной биографией. Мы не установили никаких границ и правил, когда начинали писать. Многие из тех, кто любезно согласился дать интервью, могли поведать собственную версию событий — такими, какими они их видели. Книга не была задумана как толкование фильмов и других произведений искусства, которые являются частью этой истории; подобный материал легко найти в открытом доступе. Эта книга — хроника произошедших событий, а не их интерпретация.

Приближаясь к завершению нашего сотрудничества, мы оба пришли к одной и той же мысли: кажется, что книга короткая и едва царапает по поверхности истории, с которой мы имеем дело. Человеческое сознание слишком широко, чтобы уместиться между двумя сторонами обложки, и каждый человеческий опыт слишком многогранен. Мы стремились к четкости, но это все равно лишь проблеск в темноте.

— ДЭВИД ЛИНЧ И КРИСТИН МАККЕННА

Room
to
Dream

Комната
снов

American PASTORAL

Американская пастораль

Мать Дэвида Линча была городской девушкой, а отец был родом из деревни. Это хорошее начало для нашей истории, потому что эта история о двойственности. Линч говорил: «Все это находится в таком слабом состоянии, вся эта плоть и этот мир несовершенны», и понимание этой идеи — ключ к его творчеству¹. Мы живем в царстве противоположностей, в месте, где добро и зло, дух и материя, сердце и разум, невинная любовь и грязная похоть сосуществуют друг с другом в хрупком перемирии. Работы Линча существуют в сложной для понимания зоне, где сталкиваются прекрасное и уродливое.

Мать Линча Эдвина Сандолм была потомком финских иммигрантов и выросла в Бруклине. Она впитала в себя дым и сажу городов, запахи масла и бензина, обман природы и ее истребление; все эти вещи проникли в Линча и в его восприятие мира. Его прадед по отцовской линии владел участком пшеничных полей близ Колфакса, Вашингтон, где в 1884 году родился его сын Остин Линч. Лесопилки и высокие деревья, запах свежескошенных лугов, ночное небо, полное звезд, которое видно лишь вдали от городов, — все это тоже часть Линча.

Дед Дэвида Линча стал фермером, как и его отец, а вскоре после встречи на похоронах Остин и Мод Салливан, девушка из Сейнт Марис, Айдахо, поженились. «Мод была очень образована и мотивировала отца», — рассказывала сестра Линча, Марта Леваси, о своей бабушке, работавшей учительницей в школе, вместившей одну комнату, на земле, которой владели она и ее муж недалеко от Хайвуда, Монтана².

У Остина и Мод Линч было трое детей: отец Дэвида, Дональд, был вторым, он родился 4 декабря 1915 года в доме без воды и электричества. «Он жил в заброшенном месте и очень любил деревья, потому что в прериях они не росли, — рассказывал брат Дэвида, Джон. — Он не собирался становиться фермером и жить в прериях, поэтому ушел в лесоводство»³.

Дональд Линч занимался своей дипломной работой по энтомологии в университете Дьюка в Дюрхеме, Северная Калифорния, когда в 1939 году встретился с Эдвиной Сандолм. Она работала над своим дипломом с двойной специализацией на немецком и английском языках, и их пути пересеклись во время прогулки в лесу. Девушку впечатлила учтивость молодого человека, когда тот

придерживал ветвь, чтобы она могла пройти. Во время Второй мировой войны оба они служили на флоте, а в 1945 году поженились в маленькой морской часовне на острове Маре, Калифорния, в двадцати трех милях севернее Сан-Франциско. Вскоре после этого Дональд получил место ученого в Министерстве сельского хозяйства США в городе Мизула, Монтана. Именно здесь он и его жена начали строить семейное гнездо.

Дэвид Кейт Линч был их первенцем. Он родился 20 января 1946 года в Мизуле. Ему было всего два месяца, когда семья переехала в Сандпойнт, Айдахо, где и провела два года, пока Дональд трудился в Министерстве сельского хозяйства. Они еще проживали там в 1948 году, когда родился младший брат Дэвида Джон, но на свет он появился в Мизуле: Эдвина Линч, известная также как Санны, решила родить второго сына именно там. Позднее в том же году семья переехала в Спокан, Вашингтон, где в 1949 году родилась Марта. 1954 год семья провела в Дюрхеме, пока Дональд завершал свои исследования в университете, на короткое время вернулись в Спокан, а затем в 1955 году обосновались в Бойсе, Айдахо, где задержались до 1969 года. Именно в этом месте Линч провел самые значимые годы своего детства.

Период после Второй мировой войны как нельзя лучше подходил для того, чтобы быть ребенком. В 1953 году закончилась Корейская война, внушающий надежду президент Дуайт Эйзенхауэр находился у власти два срока с 1953 по 1961, природа все еще цвела, и казалось, что поводов для забот совсем нет. Хотя Бойсе — столица штата Айдахо — в то время сохранял атмосферу провинции, и дети среднего класса здесь росли с невообразимой на сегодняшний день степенью свободы. Детские праздники еще не были придуманы, и детвора просто собиралась в кучки и скиталась по улицам, исследуя окружающий мир самостоятельно, — именно такое детство было у Линча.

«Детство было волшебной порой для нас, особенно лето, и самые яркие мои воспоминания о Дэвиде — именно летние, — вспоминал Марк Смит, один из лучших друзей Линча в Бойсе. — Наши двери разделяло всего метров десять, и после завтрака мы тут же неслись на улицу и играли днями напролет. Неподалеку были незанятые участки, и мы брали отцовские лопаты, строили огромные подземные форты и просто лежали в них. Мы были в таком возрасте, когда мальчишки очень сильно увлекаются играми в войну»⁴.

И у матери, и у отца Линча были братья и сестры (по двое с каждой стороны), и все, кроме одного, были женаты и имели детей, поэтому семья была большой — с великим множеством тетушек, дядюшек, двоюродных братьев и сестер. Все они время от времени собирались в доме бабушки и дедушки Линча по материнской линии в Бруклине. «Тетья Лили и дядя Эд были добрыми и приветливыми людьми, а их дом на Четырнадцатой улице был неким пристанищем — у Лили был огромный стол, который занимал большую часть кухни, и за ним помещались все, — вспоминает кузина Линча Елена Зегарелли. — Когда приходили Эдвина и Дон с детьми, это был большой праздник: Лили готовила роскошный обед, и подтягивались все»⁵.

По словам очевидцев, родители Линча были исключительными людьми. «Наши родители разрешали нам делать абсолютно сумасшедшие вещи, сейчас ты бы не стал такого делать, — сказал Джон Линч. — Они были очень открытыми и никогда не заставляли нас поступать так или иначе». Первая жена Дэвида Линча, Пегги Риви, рассказала: «То, что Дэвид рассказывал мне о своих родителях, совершенно экстраординарно: если у ребенка появлялось желание что-то сделать или о чем-то узнать, оно воспринималось абсолютно серьезно. У них была мастерская, где можно было творить все, что угодно, и немедленно возникал лишь один вопрос: как нам это сделать? Идеи в голове мгновенно воплощались в реальном мире, и это было очень сильно».

«Родители Дэвида поддерживали желания своих детей быть теми, кем им хочется, — продолжила Риви. — Но у отца Дэвида были иные стандарты поведения. Относись к людям хорошо и когда что-то делаешь — делай это хорошо. У него было с этим очень строго. Дэвид тоже отличался исключительным перфекционизмом, я уверена, что это как-то связано с его отцом»⁶.

Друг детства Линча Гордон Темплтон запомнил мать Линча «отличной домохозяйкой. Она шила одежду для детей и была хорошей швеей»⁷. Родители Линча сохранили романтику по отношению друг к другу: «они всегда держались за руки и целовали друг друга на прощание, — рассказала Марта Леваси, — а еще, подписывая письма, мать Линча писала «Санни» и рисовала рядом солнышко и «Дон» — и рисовала рядом деревце. Они были убежденными пресвитерианами». «Это была важная часть нашего воспитания, — говорил Джон Линч. — Мы ходили в воскресную школу. Наши соседи Смиты были полной противоположностью нашей семье. По воскресеньям Смиты заводили свой роскошный Форд Т-берд и уезжали кататься на лыжах, а мистер Смит курил сигарету. Мы же за-

бирались в наш “Понтиак” и ехали в церковь. Дэвид думал, что Смиты крутые, а наша семья скучная».

Дочь Линча Дженнифер помнит свою бабушку «строгой, правильной и очень активной в церкви. У Санни было отменное чувство юмора, и она очень любила своих детей. У меня никогда не возникало ощущения, что Дэвид был любимчиком, но совершенно точно она беспокоилась о нем больше, чем об остальных. Мой отец нежно любил обоих родителей, но в то же время презирал всю эту благопристойность, аккуратный белый забор и так далее. Он испытывал ко всему этому определенные романтические чувства, но в то же время терпеть не мог, потому что он хотел курить сигареты и посвящать жизнь искусству, а они ходили в церковь, и все у них было безупречно, тихо и хорошо. Это немного сводило его с ума»⁸.

Семья Линча жила в одном тупике по соседству с несколькими мальчишками, примерно одного возраста, в нескольких домах друг от друга, и все они подружились. «Нас было около восьми, — рассказал Темплтон. — Были Уиллард “Уинкс” Бернс, Гэри Ганс, Райли “Райлс” Катлер, я, Марк и Рэнди Смиты и Дэвид и Джон Линчи, и все мы были как братья. Все мы зачитывались журналом *Mad*, катались на велосипедах, летом купались в бассейне, ходили в гости к своим девушкам и слушали музыку. Мы были свободны — могли кататься на велосипедах до десяти вечера, самостоятельно ездить в центр на автобусе, и мы все присматривали друг за другом. И все любили Дэвида. Он был дружелюбным, компанейским, скромным, преданным и всегда приходил на помощь».

Кажется, Линч был понимающим и талантливым мальчиком, которому очень не хватало тонкости и мастерства — а их трудно было достичь в Бойсе 50-х годов, и в детстве он твердил о том, что «вот бы случилось что-то из ряда вон». Телевидение принесло первые альтернативные реальности в дома американцев, и это стало размывать уникальную атмосферу провинциальных городов по всей стране. Может показаться, что такой пронизательный ребенок, как Линч, уловил волну коренных изменений, которые начали менять облик страны. В то же время он как нельзя более соответствовал своему времени и месту, был преданным бойскаутом; а когда вырос, периодически напоминал о своем статусе скаута-орла, высшем статусе, который может заслужить скаут.

«Мы были вместе в Отряде 99, — рассказал Марк Смит. — У нас были все эти занятия — плавание, вязание узлов, а еще были уроки выживания в лагере, когда нам рассказывали, что можно есть в лесу, чтобы выжить, как поймать белку

и приготовить ее, ну и тому подобное. У нас было несколько уроков, а потом мы отправились в горы, чтобы выживать. До этого мы купили все сладости, которые только могли, и съели их все в первый же час. И когда мы добрались до озера, где нам сказали поймать рыбу — чего не смог сделать никто из нас — к ночи мы думали, что умрем от голода. И тут мы увидели кружащий над нашими головами самолет. С него нам сбросили коробку на парашюте. Это выглядело очень драматично. Коробка оказалась доверху забита продуктами вроде яичного порошка, и мы все выжили».

Линч был ребенком с врожденным талантом к рисованию, который проявился в раннем возрасте. Мать не покупала ему раскраски — ей казалось, что они ограничивают воображение, а отец приносил кипы разноцветной бумаги с работы; в распоряжении Линча имелись все нужные ему материалы, и когда он садился рисовать, он был полон вдохновения следовать туда, куда его разум заведет его. «Это было как раз после войны, повсюду валялись боеприпасы, и я рисовал винтовки и ножи, — вспоминал Линч. — Я обожал самолеты, бомбардировщики, истребители, летающих тигров и пулеметы Браунинга с водяным охлаждением»⁹.

Марта Леваси вспоминала: «Большинство ребят носило тогда обычные футболки, а Дэвид делал на заказ особенные футболки с помощью волшебных маркеров, и все в округе их покупали. Помню, что мистер Смит купил одну для своего друга, которому исполнялось сорок. Дэвид сделал что-то в духе “В 40 Жизнь Только Начинается”, изобразив мужчину, глядящего на хорошенькую женщину».

Одаренный и харизматичный Линч «однозначно привлекал к себе людей, — сказал Смит. — Он был очень популярным, и я легко представляю его в режиссерском кресле — он всегда был полон энергии и окружен друзьями, потому что мог заставить людей смеяться. Помню, как в пятом классе мы сидели у тротуара и читали *Mad* вслух, просто вопили, и когда я увидел первую серию “Твин Пикс”, я узнал тот самый юмор». Сестра Линча подтвердила его слова: «многие шутки из того времени живут теперь в работах Дэвида».

Линч был президентом седьмого класса и играл на трубе в школьной группе. Как и большинство здоровых жителей Бойсе, он катался на лыжах и плавал — по словам сестры, и то, и другое ему удавалось одинаково хорошо — и вдобавок играл на первой базе в младшей бейсбольной лиге. А еще он любил кино. «Когда он ходил на фильмы, которые я не видел, то возвращался домой и пересказывал их мне в деталях, — рассказал Джон Линч. — Помню, ему очень понравился “Человек, который застрелил Либерти Вэланса” — Дэвид лишь о нем

и говорил». Первым фильмом, который Линч увидел в жизни, был «Жди, пока светит солнце, Нелли» — угнетающая драма Генри Кинга 1952 года, где главного героя убивают в парикмахерской. «Я смотрел его с родителями в кино под открытым небом и помню сцену, где парня расстреляли из пулемета в кресле парикмахера, а в следующей сцене маленькая девочка играла с пуговицей, — вспоминал Линч. — Внезапно ее родители понимают, что эта пуговица застряла у нее в горле, и я помню это ощущение чистого ужаса».

В контексте работ Линча неудивительно, что его детские воспоминания — это смесь света и тьмы. Возможно, работа его отца, связанная с большими деревьями, наделила его повышенным осознанием того, что он называл «дикая боль и упадок», таящиеся за фасадом вещей. Какой бы ни была причина, Линч был необычайно чувствителен к энтропии, которая пожирает все новое, и это его беспокоило. Семейные поездки к бабушке и дедушке в Нью-Йорк тоже тревожили Линча. Он вспоминал, как сильно его пугало то, что он там встречал. «То, что меня тревожило, не шло в сравнение с теми чувствами, которые у меня при этом возникали, — признался он. — Я думаю, что люди ощущают страх даже когда не понимают его причины. Иногда ты простоходишь в комнату и понимаешь, что в ней что-то не так, и когда я отправлялся в Нью-Йорк, это чувство накрывало меня, словно одеяло. Среди природы люди тоже ощущают страх, но этот страх другого рода. За городом может случиться много чего плохого».

Картина, которую Линч написал в 1988 году, называлась «Бойсе, Айдахо», красноречиво говорит об этих воспоминаниях. В правой нижней части черного поля вычерчен контур штата, окруженный крохотными буквами, которые складываются в название картины. Четыре зазубренные линии пересекают черное поле, а с левой стороны на штат угрожающе надвигается нечто, похожее на торнадо. Пугающий образ.

Очевидно, самые бурлящие потоки сознания Линча оставались скрыты от его товарищей по играм в Бойсе. Смит говорил: «Когда черная машина заезжает на холм в “Малхолланд драйв”, ты просто знаешь, что вот-вот произойдет нечто жуткое, и создал этот образ совсем не тот человек, которым Линч был в детстве. Тьма в его работах поражает меня, и я не знаю, откуда она взялась».

В 1960 году, когда Линчу было 14 лет, его отца перевели в Александрию, Вирджиния, и семья снова переехала. Смиты вспоминали: «Когда семья Дэвида переехала, это было как будто кто-то выкрутил лампочку в уличном фонаре. У Линчей был “Понтиак” 1950 года, а символом этой марки была голова индей-

ца — она есть на капоте автомобиля. Нос их индейца был отломан, и мы называли машину Вождь Сломанный Нос. Перед отъездом они продали Вождя моим родителям». Гордон Темплтон тоже помнит день, когда Линчи уехали: «Они уезжали на поезде, и мы ехали на велосипедах до самой станции, чтобы их проводить. Грустный был день».

Хотя Линч блистал в Александрии, будучи учеником старшей школы, годы, проведенные в Бойсе, всегда занимали в его сердце особое место. «Когда я воскрешаю образ Бойсе в своей памяти, то вижу хромированный оптимизм 1950-х», — говорил он. Когда семья Линча покинула Бойсе, несколько соседей тоже переехало, и Джон Линч вспоминал, как Дэвид говорил: «Вот здесь музыка остановилась».

Линч начал выпадать из детства еще до отъезда из Бойсе. Он вспоминал, как огорчился, когда пропустил дебют Элвиса Пресли на «Шоу Эда Салливана», и как повсюду интересовался девочками, когда семья переехала. «Дэвид начал встречаться с очень милой девушкой, — рассказывал Смит. — Они были так влюблены друг в друга». Сестра Линча вспоминала: «У Дэвида всегда была девушка, с юных лет. Когда он пошел в старшую школу, помню, как он рассказывал мне, что поцеловал каждую девочку на фестивале, куда отправился их седьмой класс».

Линч вернулся в Бойсе летом, после того, как закончил девятый класс в Вирджинии, и несколько недель провел у разных друзей. «Он вернулся совсем другим, — вспоминал Смит. — Он повзрослел и стал по-другому одеваться — теперь он носил черные брюки и черную рубашку, что было непривычно для нашей компании. Он стал очень уверенным в себе, и его рассказы о приключениях в Вашингтоне нас очень впечатляли. Он стал таким утонченным, что мне тогда показалось, что мой друг ушел куда дальше меня».

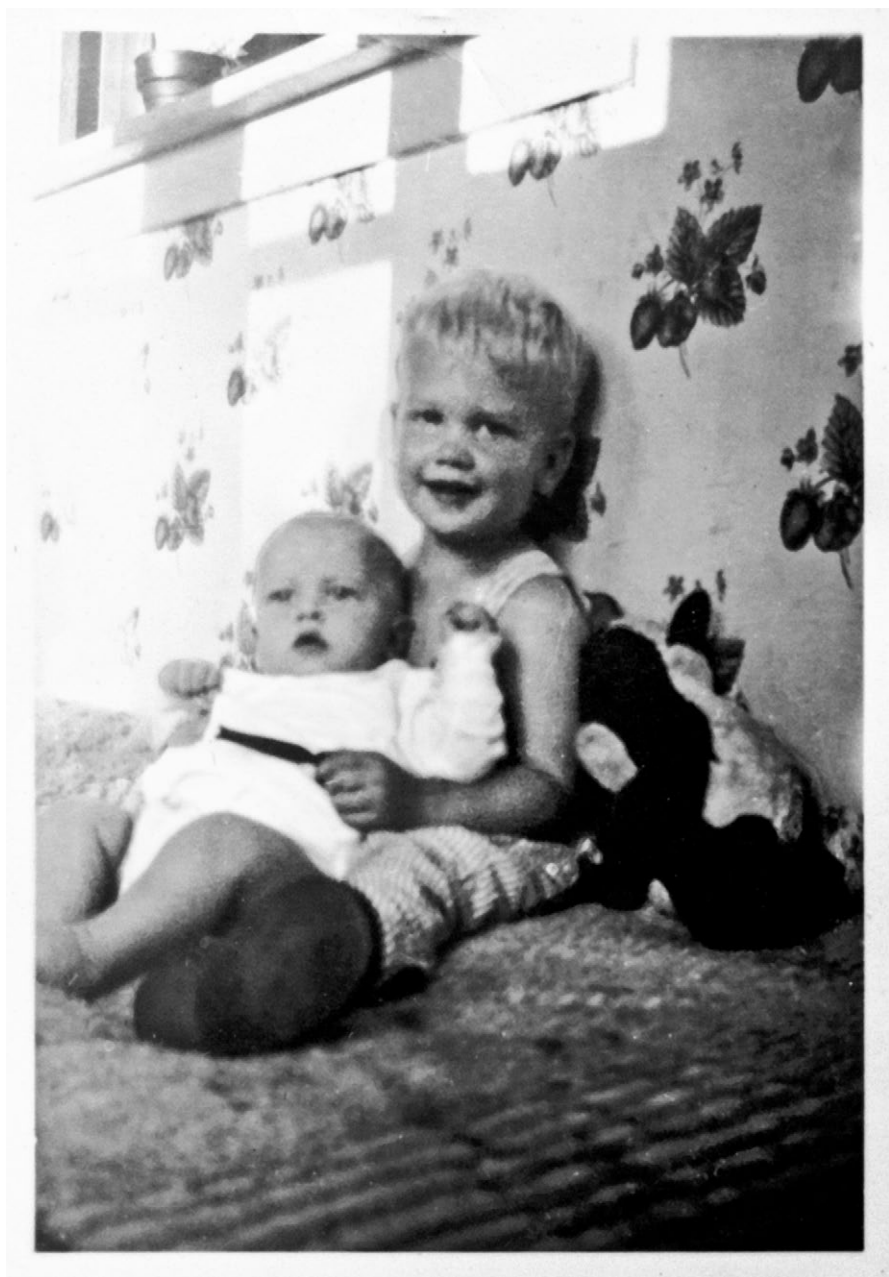
«После старшей школы Дэвид больше не приезжал в Бойсе, и мы потеряли связь, — продолжил Смит. — Моя младшая дочь — фотограф и живет в Лос-Анджелесе. Однажды в 2010 году фотограф, которому она ассистировала, сказал ей: “Сегодня мы снимаем Дэвида Линча”. В перерыве она подошла к Дэвиду и сказала: “Мистер Линч, вы должны знать моего отца, Марка Смита из Бойсе”. Дэвид сказал: “Ты шутишь?”, — и в следующий раз, когда я навещал дочь, мы встретились в его доме. Я не видел его со школы. Он тепло меня обнял, а когда представлял меня людям в офисе, сказал: “Познакомьтесь с Марком Смитом, моим братом”. Дэвид — очень преданный человек, и он остается на связи с моей дочкой — как отец, я очень рад, что Дэвид рядом. Я бы хотел, чтобы он все еще жил по соседству со мной».

1950-е не ушли далеко от Линча. Мамы в хлопковых платьях-рубашках улыбались, доставая свежее испеченные пироги из печи, широкоплечие отцы в футболках готовили барбекю или спешили на работу в костюмах, повсеместные сигареты — в 50-х курили все, классический рок-н-ролл, официантки носили милые маленькие заколки на волосах, девочки надевали длинные белые гольфы и двухцветные туфли, свитера и плиссированные юбки в клетку — все это было элементами эстетического вокабуляра Линча. Самой важной деталью десятилетия, которая осталась с ним, стала атмосфера времени: блестящий фасад невинности и добродетели и пульсирующая за ним темная сила, завуалированная сексуальность, которой были пропитаны те годы — все это стало краеугольным камнем его искусства.

«Район, где снимался “Синий бархат”, очень похож на наш район в Бойсе, а половина блока нашего дома — это жуткое здание из кино», — объяснил Джон Линч. Первые сцены фильма «Синий бархат», изображающие американскую идиллию, были срисованы с детской книги «Good Times on Our Street», которая надолго поселилась в голове Дэвида. «Веселая поездка из “Синего бархата” была и в жизни, в Бойсе. Дэвид и несколько его приятелей однажды оказались в одной машине с парнем постарше, который объявил, что проедет сотню миль вниз до бульвара Кэпитол. Я подумал, что это страшновато — сумасшедший подросток за рулем перегревшейся машины, и это воспоминание также осело в памяти Дэвида. Он часто обращается к эпизодам из собственного детства в этой своей работе».

Линч делает множество отсылок к своему детству в картине «Синий бархат», но его творческий кураж и все его творения нельзя объяснить простым уравнением. Можно препарировать чье-то детство в поисках ключей к личности, которой предстояло стать этому ребенку, но зачастую оказывается, что нет никакого побуждающего происшествия, никакого бутона розы (образ из фильма «Гражданин Кейн»). Мы просто входим в мир с чем-то исконно своим. Линч вошел в этот мир с удивительной способностью радоваться и желанием быть очарованным, и он был уверенным в себе и творческим с самого детства. Он не был одним из мальчиков, что покупали футболки с дерзкими рисунками на них. Он их создавал. «Дэвид был прирожденным лидером», — говорит его брат Джон.

Очень мило со стороны моего брата называть меня прирожденным лидером, но я был совершенно обычным ребенком. У меня были прекрасные друзья, и я никогда не чувствовал себя популярным или особенным.

Можно сказать, что мой дедушка по материнской линии, дед Сандолм, был парнем из рабочего класса. В его подвале-мастерской было множество фантастических инструментов, восхитительных деревянных сундуков со встроенными замками и тому подобного. Очевидно, родственники по этой линии были опытными краснодеревщиками — они сделали немало шкафов, украсивших магазины на Пятой авеню. Когда я был совсем маленьким, мы с мамой ездили к бабушке и дедушке на поезде. Я помню, что дело было зимой и дед гулял со мной по округе, а я болтал без умолку. Я говорил с парнем из газетного киоска на Проспект-парк и думал, что умею свистеть. Я был счастливым ребенком.

Мы переехали в Сандпойнт, Айдахо, сразу после моего рождения, и единственное, что я помню там — это как я сидел в грязной луже с маленьким Дики Смитом. Она была похожа на дыру под деревом, которую наполнили водой из шланга, и я помню, как сжимал в руках эту грязь и чувствовал себя божественно. Самая важная часть моего детства пришлось на Бойсе, но я любил и Спокан, Вашингтон, где мы жили после Сандпойнта. В Спокане невероятное голубое небо. Должно быть, где-то поблизости располагалась военно-воздушная база, так как в открытом небе постоянно летали огромные самолеты, и это было настоящее представление, поскольку у них были пропеллеры. Мне всегда нравилось что-то создавать, и первыми моими творениями были деревянные ружья в Спокане. Я высекал их и подрезал пилой, и выглядели они довольно грубо. А еще мне нравилось рисовать.

В Спокане у меня был друг по имени Бобби, который жил в самом конце нашего многоквартирного дома, а рядом располагался еще один такой же дом. Была зима, и я отправился туда в своем маленьком комбинезоне. Предположим, был я тогда в подготовительной школе. Я в комбинезоне и мой друг Бобби в комбинезоне — вместе бродим по округе в мороз. То здание отстояло чуть дальше от улицы, и мы увидели, что в нем был коридор, который вел к дверям, и что дверь одной из квартир открыта. Мы направились напрямик туда и оказались в квартире, где никого не было. Откуда-то в наши головы

пришла идея: мы принялись лепить снежки и раскладывать их по полкам шкафа. Мы клали снежки во все ящики, любые ящики, которые только могли найти, мы делали твердый снежок и клали его туда. Мы сделали несколько больших снежков, в два фута высотой, и положили их на кровать, еще немного оставили в других комнатах. Затем мы забрали из ванной полотенца и разложили их на проезжей части, как флаги. Машины тормозили, один из водителей высунулся, посмотрел, сказал: «А, к черту» и переехал их. Мы увидели, как пара машин переехала полотенца, и продолжили лепить снежки в наших комбинезонах. Мы закончили и разошлись по домам. Я был в столовой, когда звонил телефон, но я ни о чем не подумал. В те дни телефон звонил редко, но все-таки звонки меня не пугали. Трубку взяла мама, а затем отец, и пока он говорил, до меня начало доходить. Думаю, отцу пришлось выложить немаленькую сумму за эту проделку. Почему мы это сделали? Попробуй, объясни...

Из Спокана мы перебрались в Северную Калифорнию на год, так что мой отец смог закончить свою научную работу. Когда я слышу песню "Three Coins in the Fountain", то перед моими глазами встает здание университета Дьюка, на которое я смотрю снизу вверх, как тогда, и фонтан. Все вокруг залито солнечным светом 1954 года, и вместе с песней, играющей фоном, все это совершенно потрясающе.

Бабушка и дедушка Сандолм жили в красивом особняке на Четырнадцатой улице, а на Седьмой авеню находилась постройка, за которой приглядывал мой дед. В ней было несколько фронтонов, и она также была жилой. Люди жили здесь, но им не разрешалось готовить. Однажды я заходил туда вместе с дедом. Дверь в одну из квартир была открыта, и я увидел, что какой-то парень жарит яичницу на плоской стороне утюга. Люди всегда найдут выход. Да, то, что я огорчался всякий раз, отправляясь в Нью-Йорк, чистая правда. Меня пугало все, что было связано с этим городом. Подземка была просто чем-то невообразимым. Спуск в это место, запах, ветер, который приносили поезда — в Нью-Йорке на меня наводили ужас самые разные вещи.

Родители моего отца, Остин и Мод Линч, жили на ранчо в Хайвуде, Монтана, и занимались выращиванием пшеницы. Отец моего отца был похож на ковбоя, и мне нравилось смотреть, как он курил. Я и так хотел начать курить, а он только подкреплял это желание. Папа курил трубку, когда я был совсем маленьким, но потом заболел пневмонией и бросил. Но все его трубки остались, и я любил притворяться, что курю их. Те части, что положено брать

в рот, были обмотаны скотчем, потому что родителям казалось, что они грязные, так что в моем распоряжении было несколько таких вот обмотанных скотчем трубок — некоторые изогнутые, некоторые прямые, я любил их. Я начал курить в очень юном возрасте.

Ближайшим населенным пунктом к ранчо моих деда и бабушки был Форт Бентон. В какой-то момент, в 50-х, они оставили ранчо и переехали на маленькую ферму в Гамильтоне, Монтана, где у них был домик и немного земли. Это было очень по-сельски. У них была лошадь по имени Розовоглазка, на которой я катался, и я помню, как она пила из ручья, а я прикладывал все силы, чтобы не скатиться вниз с ее шеи головой в ручей. Можно было пойти и пострелять на заднем дворе и ничего не повредить. Мне привили любовь к деревьям, и я с самого детства ощущал сильную связь с природой. Вот и все, что я знал. Когда мы с семьей путешествовали по стране, мы делали привал и отец ставил палатку — у нас получался настоящий лагерь, а в мотелях мы никогда не останавливались. В те дни вдоль дорог было множество площадок для кемпинга, но сейчас их практически не осталось. На ранчо надо было все чинить самому, и у отца всегда была мастерская. Он был мастером на все руки и чинил музыкальные инструменты. Он даже сделал десять или одиннадцать скрипок своими руками.

Проекты! Слово «проекты» будоражило всех членов моей семьи. У тебя появлялась идея для проекта, и ты тут же брался за инструменты — это же величайшая вещь на свете! То, что люди изобретали специальные вещи, чтобы делать другие вещи более выточенными, — невероятно. Как говорила Пегги, мои родители очень серьезно относились к моим идеям о вещах, которые я хотел сделать.

Мои родители были очень любящими и добрыми. У них, в свою очередь, тоже были прекрасные родители, и моих маму и папу все любили. Они просто были справедливыми. Об этом особенно не задумываешься, но когда слушаешь истории других, то понимаешь, как же тебе повезло. Мой отец был тем еще персонажем. Я всегда говорил, что если перерезать его привязь, то он обязательно убежит в лес. Однажды мы с отцом отправились охотиться на оленей. Охота была частью мира, в котором вырос мой отец, и у всех были ружья, так что да, он был охотником, но не жадным до добычи. Если он убивал оленя, то мы его ели. Брали в аренду морозильник и время от времени спускались в подвал и брали кусочек мяса, а на ужин у нас была оленина, которую я терпеть не мог. Я не убил ни одного оленя и очень этому рад.

Как бы там ни было, тогда мне было около десяти лет и мы отправились охотиться на оленя. Мы покинули Бойсе и выехали на двухполосное шоссе. Единственным источником света были фары нашего автомобиля, а сама дорога черная как смоль. Сейчас трудно такое представить, потому что таких черных дорог уже нет, такие крайне редко встречаются. И вот мы едем по ней в горы, и тут дорогу нам перебегают дикобразы. Отец ненавидит дикобразов, потому что они объедают верхушки деревьев и те умирают. Он попытался переехать дикобраза, но тот умудрился перебежать. Тогда отец резко прижался к обочине, ударил по тормозам, распахнул бардачок, вытащил пистолет и сказал: «Давай, Дэйв!». Мы бежали вдоль шоссе, преследуя дикобраза по скалистым горам, соскальзывали вниз, пытаясь взобраться на холм. На том холме росло три дерева, и на вершину одного из них и забрался зверек. Мы принялись швырять туда камни, чтобы понять, на каком он дереве прячется. Когда мы поняли, отец залез на нужное дерево и крикнул мне: «Дэйв! Брось камень и смотри, пошевелится ли он. Я его не вижу!» Я бросил камень, и он завопил: «Да не в меня же!» Тогда я бросил еще несколько, отец услышал шорох, и — бах! — мертвый дикобраз скатился с дерева. Мы вернулись в машину и поехали охотиться на оленей, а на обратном пути остановились и обнаружили, что дикобраза облепили мухи. Я взял себе пару его иголок.

В Дюрхеме, Северная Калифорния, я пошел во второй класс. Мою учительницу звали миссис Крабтри. Отец вернулся в университет в Дюрхеме, чтобы закончить научную работу по лесоводству. Он постоянно занимался по ночам за кухонным столом, и я вместе с ним. Я был единственным круглым отличником в классе. У моей подруги из второго класса, Элис Бауэр, была пара четверок, так что она была на втором месте. Однажды ночью мы с отцом как обычно занимались, и я услышал, как родители переговариваются о мыши на кухне. В воскресенье мама ушла с моими братом и сестрой в церковь, а папа должен был остаться дома и избавиться от этой мыши. Я помогал ему передвинуть печь, и тут маленькая мышка выскочила из кухни, засеменила через комнату и юркнула в шкаф с одеждой. Отец вооружился бейсбольной битой и бил по вещам, пока маленькая окровавленная мышь не выпала из них.

Айдахо-Сити был самым большим городом штата Айдахо, но, когда мы переезжали в Бойсе, там проживало около сотни человек летом и пятидесяти зимой. Именно там располагался исследовательский центр «Экспериментальный